

УДК 393(=511.132)(470.13–13)
ББК 63.5(=664.2)(231)

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЮЖНЫХ КОМИ

ЮЛИЯ ИВАНОВНА БОЙКО

(Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН:
Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

***Аннотация.** В статье преимущественно на основе полевых материалов автора рассмотрены локальные особенности в комплексе похоронно-поминальной обрядности южных коми, проживающих в бассейнах рек Лузы и Летки в юго-западной части Республики Коми (Прилузский район). Анализ этнографических материалов по похоронно-поминальной обрядности южных коми показал, что наиболее значимыми для данного ритуала продолжают оставаться элементы, отражающие архаические представления о продолжении жизни умершего в загробном мире и тесно связанные с культом предков, по настоящее время сохраняющиеся в сознании людей.*

В похоронно-поминальной обрядности лузских коми выделяются такие особенности, как обычай «проводить покойника» на сороковой день, устанавливать рядом с могилами кормушки и домики для птиц, надмогильные конструкции в виде стола и скамеек. Обрядовый комплекс летских коми, возможно в силу лучшей сохранности, характеризуется наиболее яркой спецификой и включает в себя такие элементы, как передача родственникам «подарков от умершего», кормление скота перед выносом гроба, накрывание полотенцем крышки гроба, поминовение предков в усадьбе под растущим деревом. По настоящее время широко распространен обычай первой встречи, не зафиксированный у других групп коми-зырян. Оформление традиционных деревянных надмогильных сооружений на кладбищах летских коми также отличается спецификой, проявляющейся в изготовлении памятников из ствола можжевельника. С влиянием старообрядческих традиций, вероятно, связаны такие особенности, как способ изготовления гроба «на шипах» и обряжение покойного в саван.

***Ключевые слова:** похоронно-поминальная обрядность, локальные особенности, лузско-летские коми.*

***Дата поступления статьи:** 29 мая 2018 г.*

***Дата публикации:** 25 марта 2019 г.*

***Для цитирования:** Бойко Ю. И. Локальные особенности похоронно-поминальной обрядности южных коми // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 1. С. 91–102.*

***DOI:** 10.26158/TK.2019.20.1.009*

Похоронно-поминальная обрядность, главной целью которой является обеспечение благополучного перехода умершего из мира живых в мир мертвых и одновременно создание гарантий безо-

пасности социума от соприкосновения со смертью, будучи одной из наиболее устойчивых и консервативных [Кремлева 1997, 517], позволяет изучать наиболее архаичные пласты духовной культуры

народа. В статье рассмотрены локальные особенности похоронно-поминальной обрядности южных коми, проживающих в бассейнах рек Лузы и Летки в юго-западной части Республики Коми (по современному административному делению — Прилузский район Республики Коми). Несмотря на то что отдельные компоненты обрядовой культуры лузско-летских коми нашли отражение в целом ряде работ [Терюков 1990; Семенов 1992; Лимеров; Ильина 2000; Шарапов 2001; Голубкова 2007; 2009; Бунчук, Шевченко 2007], комплексного изучения локальных традиций южных коми не проводилось. В основу статьи легли полевые материалы, полученные автором в ходе этнографических экспедиций в Прилузском районе Республики Коми. Сведения, полученные от информантов, родившихся в первой половине XX в., позволяют не только предпринять реконструкцию обрядов, бытовавших на протяжении столетия, но и показать их современное состояние. В качестве источников также были привлечены архивные данные, позволившие существенно дополнить имеющиеся материалы, рассмотреть ряд зафиксированных традиций в диахроническом ключе. Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX—XX вв.

Структура погребального обрядового комплекса включает в себя этапы приготовления к смерти, подготовку к погребению и погребение, а также годичный цикл поминальных обрядовых действий, начинающийся с первых дней кончины. Одним из ключевых моментов в период подготовки к похоронам являлось надение умершего новым «вечным домом» — гробом, выступающим в качестве обязательного атрибута похоронной обрядности, что нашло отражение в распространенном у лузских коми выражении: «*кула кӧ квайт доска же меным сурас*» (умру, дак шесть досок для меня найдется) (Зап. от Маргариты Федоровны Чукилевой, 1938 г.р., с. Объячево) [ПМА]. Мифологическая связь дома и гроба проявляется уже на уровне терминологии, в частности, само слово *горт* употребляется в коми языке и в значении *дом*, и в значении *гроб*. Как правило, в каждой семье на чердаке дома хранились предусмотренные для изготовления гроба сосновые или еловые доски.

В случае если необходимого количества досок не оказывалось, их снимали с крыши собственного дома либо занимали у соседей. У летских коми до середины XX в. был распространен способ изготовления гроба без применения железных гвоздей (доски скреплялись деревянными шипами). При этом затрачиваемого времени требовалось гораздо больше, нежели для гроба с гвоздями: «*Раньше же гроб делали целый день, а сейчас 2 часа — и гроб готов*» (Зап. от Веры Михайловны Косолаповой, 1949 г.р., с. Черемуховка), что свидетельствовало в народном представлении о меньшей прочности последнего [ПМА]. Повсеместно в боковых стенках либо с правой стороны гроба на уровне лица покойного делали *кӧсяк*, *ӧшинь* ‘окно’, представлявшее собой круглое отверстие (диаметром 1–2 см): одно внизу и два вверху. В описаниях крестьянского быта второй половины XIX в. отмечалось, что «*на боку гроба делается два или три круглых отверстия, для того чтобы покойнику в могиле не было темно*» [ГАКО, 47]. Современными информантами необходимость соблюдения данной традиции связывается не только с тем, «*чтобы он <покойник> мог дышать и видеть свет*» (Зап. от Елены Ивановны Лобановой, 1930 г.р., с. Прокопьевка), но и с представлением, что «*дом без окон не бывает*» (Зап. от Федосьи Романовны Косныревой, 1924 г.р., с. Прокопьевка) [ПМА].

Готовый гроб окуривали ладаном или можжевельником: «*гортсӧ тшынодӧсны, тукайтӧсны бесъяссӧ выль керкасыыс*» (гроб окуривали, выгоняли бесов из нового дома) (Зап. от П. А. Черных, 1939 г.р., д. Березовка. Соб. М. Черных. 2000 г.) [ФА СыктГУ]. Гроб внутри устилали березовыми вениками без комля, листьями от них, льняной куделью, холстиной. Считалось, что голова и ноги покойного не должны лежать на листьях, иначе, «*когда покойник будет поворачиваться, листья будут слишком сильно шуршать*» (Зап. от Елены Федоровны Юговой, 1922 г.р., с. Летка) [ПМА]. Подушка набивалась куделью, ватой. У летских коми под голову умершего на дно гроба подкладывали *льӧкан* ‘толстая щепка, откальваемая при обтеске брусьев’ [Безносикова 2000, 347]. Помимо церковных принадлежностей в гроб клали предметы ремесла покойного и другие необходимые вещи: сигареты, если покойный их

курил при жизни, очки, если носил, гробешок для расчесывания и т.п.

Смертная одежда готовилась заранее, она отличалась от повседневной в первую очередь тем, что на ней отсутствовала подоплека, застежки, вышивка. Среди пожилой части населения сохраняется представление о том, что погребальная одежда должна состоять из натуральных материалов, быть преимущественно светлых тонов, новой, а в случае если одежда ношенная, то чистой; из нее полностью исключались шерстяные изделия. Одежду шили вручную наметочными стежками, не делая узелков, направляя острие иголки от себя: «*колё прѳсто, мед ярѳника косяссяс*» (<шить> надо просто, чтобы одежда легко разрывалась) (Зап. от Ефимьи Назаровны Косолаповой, 1926 г.р., с. Черемуховка) [ПМА]. У летских коми в прошлом в составе похоронной одежды широко распространён был саван, который шился вручную из белого холста, представлял собой что-то вроде плаща или халата и надевался поверх всей остальной одежды. Согласно народным представлениям, «*проходя сквозь огонь на том свете, саван сгорит, а человек останется*» [Там же]. У летских коми долгое время принято было хоронить преимущественно в лаптях, обязательно новых, при этом усопшему обматывали ноги льняными портянками, которые, в отличие от повседневной жизни, заворачивали справа налево.

Особенно насыщенным обрядовыми действиями являлся день погребения, в который, согласно традиционным представлениям, умерший прощался со всем, что окружало его при жизни, в первую очередь с домом. У летских коми перед отправлением на кладбище было принято распределять между родственниками и близкими умершего вещи, принадлежавшие покойному либо заранее приобретенные в качестве так называемых подарков от имени покойного *горт козин* 'подарок с гроба'. «Подарки», основную часть которых составляли, как правило, предметы текстиля и одежды, брали с гроба либо с гробовой крышки, расположенной над гробом по диагонали. Сначала подходили к гробу те, кто обмывал покойного, изготавливал гроб, а затем все остальные участники похоронного обряда, трижды обносили себя крестным знаменем, обращались к умершему со словами благодарности: «*Спасибо,*

(имярек), за подарок». Данная традиция связана с представлением, что все подаренное будет иметь покойный в загробной жизни. Осуществлялся своеобразный взаимный обмен дарами между покойником и живыми: провожающие приносили в дом умершего что-нибудь из еды, а также, обходя гроб, оставляли деньги. На сегодняшний день обычай дарить «подарки» от имени покойного устойчиво сохраняется преимущественно среди пожилой части населения.

В доме умершего для провожающих устраивалась небольшая поминальная трапеза, к которой в первую очередь приглашались люди одного пола с умершим, чтобы «*покойника голодным в дорогу не отправлять*». У летских коми поминальной трапезе предшествовало ритуальное кормление домашнего скота: «*чтобы скотина была сыта, и просят благословения у покойного, чтобы оставил хозяин сытый скот*» (Зап. от Марии Егоровны Ракиной, 1929 г.р., с. Слудка), «*мед скотѳд тэнад оз быр, пыр мед тэ скотѳд олан*» (чтобы скот у тебя не пропал, всегда чтоб ты со скотом жил) (Зап. от Прасковьи Ивановны Перминовой, 1926 г.р., с. Черемуховка) [ПМА]. Данные обычаи, по-видимому, пронизаны стремлением разделить/перераспределить доли/имущество между живыми и умершим, а также заручиться благорасположением нового предка-покровителя.

Важнейшим обрядом, призванным закрыть границы жилища от влияния потусторонних сил, восстановить статус освоенного пространства живых, является вынос из дома тела умершего. В селениях лузских коми придерживаются правила выносить гроб из дома до полудня, среди летчан наиболее предпочтительным был послеобеденный период времени: «*...гроб выносят после обеда в 13–14 часов, так как нужно, чтобы покойник пообедал дома в последний раз*» (Зап. от Таисии Ефимовны Черных, 1937 г.р., с. Гурьевка), однако необходимо было успеть похоронить до заката солнца, в противном случае считалось, что «*земля-матушка не примет*» [ПМА]. Запрет на вынос в полуденное время, вероятно, связывается с представлением о нем как наиболее опасной части суток, соотносившейся в мифологическом сознании с переходным состоянием, когда человек особенно был подвержен воздействию нечистой

силы. Характеристика полудня как «мертвого часа» достаточно прозрачно выражена в словах одного из информантов: «... в это время ни ребенок не рождается, ни человек не умирает, ничего не растет» (Зап. от Прасковьи Ивановны Перминовой, 1926 г. р., с. Черемуховка) [ПМА]. Как считают исследователи, наиболее древним является обычай захоронения покойника после обеда, тогда как время выноса его из избы до обеда, скорее всего, было связано с христианским требованием, необходимостью отпевания умершего в церкви [Зорин, Лештаева 1990, 112].

Во время выноса из дома крышки гроба у летских коми по настоящее время принято накрывать ее полотенцем, класть хлеб круглой формы *тупӧсь* 'небольшой круглый ржаной подовый хлеб' [Чудова 2008, 96]. Важно отметить, что в интерпретациях данного обычая информантами особо подчеркивается параллелизм крышки гроба с собственным жилищем: «если этого не делать, то может крышу дома снести» (Зап. от Ефросиньи Павловны Вахниной, 1925 г. р., с. Летка), «чтобы свой дом не сломался» (Зап. от Елены Федоровны Юговой, 1922 г. р., с. Летка) [ПМА]. Очевидно, полотенце / холщовое полотно и хлеб выступают в данном обычае в качестве сильнейших оберегов от вредоносных сил [Уляшев 1999, 46], а также, вероятно, связаны с мотивом выделения «доли» покойному: «*мед пыр сійӧ лоӧ пӧт, сйтэз оз ов*» (пусть всегда он будет сытый, без еды не живет) (Зап. от Прасковьи Ивановны Перминовой, 1926 г. р., с. Черемуховка) [ПМА].

Гроб выносили соседи или дальние родственники, поскольку близкой родне покойного участвовать в этом строго запрещено, при этом стучали в стену дома, «чтобы покойник испугался», в качестве оберега на порог дома клали топор, «чтобы не бояться покойника». Сразу после выноса гроба с телом умершего дверь дома, в котором обязательно должны были оставаться люди, закрывали на несколько минут, «чтобы больше в доме не было покойников», «чтобы веселье в доме осталось». До околицы либо до самого кладбища гроб несли на полотенцах или на жердях.

На Летке и Верхней Лузе (Верхолузье) выносу гроба предшествовал обычай первой встречи — вынос *пажун-кошеля* (специального мешочка с едой и предметами),

а также корзины с поминальной едой *пажун* 'обед', которую несли на кладбище.

Кошель специально шили вручную швом «вперед иголкой», так как, по словам информантов, «покойнику назад возвращаться нельзя». В него помещали тарелку, чашку, ложку, катушку ниток с иголкой, полотенце, бумажные деньги, спички, из съестного клали выпечку, рыбник, яйцо, чай, сахар, соль. Само обозначение мешочка словом *пажун* свидетельствует о том, что главная роль в нем отводится еде, среди которой обязательна основная ритуальная пища: выпечка, рыбник, яйца. Обязательное наличие в наборе ниток с иголкой объясняют тем, что «это делают для покойника, чтобы у него, если что-то порвется, иголка с ниткой были» (Зап. от Елены Никитьевны Потаповой, 1930 г. р., с. Проккопьевка) [ПМА]. В настоящее время большая часть информантов не придает значения цвету ниток, однако чаще всего это нитки белого или черного цвета, что соотносится с траурной символикой. Интересны сообщения, согласно которым в *пажун* нельзя было помещать нитки красного цвета, поскольку данный цвет ассоциировался с пожаром, а также «потому, что покойный уже без крови». В традиционной культуре коми-зырян красный цвет выступал в роли оберега и в этом качестве использовался в погребальной обрядности, поэтому он отсутствует в числе предметов и понятий, связанных с образом покойника [Уляшев 1999, 52]. Использование в погребальном обряде иголки с ниткой является распространенным среди финно-угорских народов.

Символика пажуна достаточно прозрачна: «*чтобы покойник был сытым, чтобы ни в чем не нуждался*», «*для того, чтобы ты голодным на том свете не жил, потому что на том свете тоже живут, как и здесь*», «*это все ему необходимо, он там жить будет*» (Зап. от Марии Дмитриевны Мороковой, 1925 г. р., с. Летка; Капитолины Семеновны Кетовой, 1928 г. р., с. Летка; Анны Ефимовны Перминовой, 1913 г. р., с. Черемуховка) [ПМА]. Человек, несущий *пажун-кошель*, возглавлял похоронную процессию и отдавал его первому встретившемуся на пути человеку. Согласно сведениям информантов, *пажун* передавался лишь встретившемуся, который был одного пола с умершим или являлся его тезкой.

В современной традиции основное внимание обращается на то, чтобы человек взял подаренный ему мешочек и обязательно использовал вещи и съестные припасы, находящиеся в нем, поскольку в настоящее время многие перестают брать: «Первому встречному дают, а некоторые еще не берут, бреззуют (иронично. — Ю. Б.), еще умрут, покушают если. А некоторые берут, там все чистое, хорошее» (Зап. от Марии Николаевны Сажиной, 1932 г. р., с. Летка). Поэтому пажун стараются передать человеку, который находился в хороших отношениях с умершим, либо просто пожилому человеку, придерживающемуся традиции. Человек, взявший мешочек, должен был не только использовать вещи, находящиеся в нем, но и «до сорокового дня каждое утро ставить поклон и помянуть умершего». Если же на пути похоронной процессии никто не встретится, пажун несли на кладбище. После погребения и поминовения мешочек развязывали, раскладывали все, находившееся в нем, и оставляли на могиле.

В данном элементе погребального обряда прослеживаются архаичные представления о продолжении жизни в загробном мире. А первый встречный человек воспринимался в традиционном сознании как представитель иного мира. Идея такого «жертвенного комплекса» является, вероятно, универсальной, с множеством вариантов, имеющих единую семантическую основу. У лузских коми подобную обрядовую жертву выносят на сороковой день — в день проводов души. Обычай выносить специальный мешочек с едой в день погребения находит аналогии у русских, поволжских финнов.

Действующие деревенские кладбища бассейнов Лузы и Летки, основанные, как правило, в начале или середине XX в., расположены на краю населенного пункта, на высокой боровой террасе, что согласуется с традиционными представлениями о лесе / лесном пространстве как об ином мире. Ориентация кладбищ на реку или другое водное пространство, вероятно, также связана с мифопоэтическими представлениями, в которых река рассматривалась как символ дороги, одновременно выступая преградой между миром живых и миром

умерших предков. В погребальной обрядности прилузских коми архаичные представления о расположении мира предков за рекой выразились в обычаях помещать в гроб полотенце, у лузских коми — дополнительный комплект одежды *вежсян лйöтть* 'сменное белье', нести гроб и опускать его в могилу с использованием полотенца: «Грób положено на полотенцах выносить, чтобы на полотенце он переправился через реку. Какая это река, не знаю» (Зап. от Ефимьи Назаровны Косолаповой, 1926 г. р., с. Черемуховка); «Там-то надо через речку перейти и поэтому надо поменяться <сменить одежду>. Под подушку <в грób> кладут полотенце, это для него как мостик» (Зап. от Анны Егоровны Андреевой, 1929 г. р., д. Березники) [ПМА]. Тема реки как преграды между живыми и умершими широко представлена в сновидениях, воспринимаемых в традиционной культуре в качестве особой формы общения/соприкосновения с иным миром: «Быттьö паськыд ю, а йöзыс уна-уна тайö бокад, а мёдoras этиша. Быттьö шудöны: тэ пö вуджныс он вермы. Мися, менам полотенце эм, ме вуджа» (Будто широкая река, а людей очень много на этой стороне, а на другой мало. Будто говорят: ты, мол, не сможешь перейти. Я говорю, у меня полотенце есть, я перейду) (Зап. от Анны Михайловны Ивановой, 1926 г. р., с. Мутица) [ПМА].

Особенности топографического расположения кладбищ прозрачно читаются в их названиях, в которых составной частью входит наименование бора, реки, ручья, находящихся в непосредственной близости от могильника: *Шишкинъяг* (букв.: Шишкин бор, с. Объячево), *Косшордор* (букв.: место у сухого ручья, с. Черныш) и др. Кладбища со стороны леса, как правило, никаких ограждений не имеют, что также можно объяснить представлениями о связи лесного пространства с миром мертвых. Граница же с миром людей особо подчеркивается: со стороны населенного пункта кладбища обнесены забором. О выделении огороженного пространства, специально предназначенного для «проживания» предков, свидетельствуют обозначения кладбищ летскими коми термином *öграда*¹ «В сторону Прокöпьевки идти, там никто

¹ В материалах М. С. Косарева содержатся сведения, что летскими коми термин «ограда» применялся также для обозначения крестьянской усадьбы [ТАКО, 48].

кладбищем не называет. Говорят: «мы пошли в ограду» (Зап. от Зои Матвеевны Поповой, 1925 г. р., с. Летка); лузскими коми словом *площадь* [ПМА]. Ограда и ворота на кладбище выполняют функцию защиты, границы между двумя мирами, поскольку, согласно народным представлениям, предки способны не только помогать живым, но и вредить.

Кладбище, по мнению информантов, является местом проживания умерших предков, их последним пристанищем. Время посещения кладбища и нормы поведения на нем строго регламентируются, что можно рассматривать как подтверждение сакральности места. Запрещается тревожить умерших в вечернее время; посещать кладбище беременным; женщинам полагается надевать платок и юбку; в обрядовые дни придерживаются обычая добираться до кладбища пешком: «*Кӧсьян кӧ кладбищевылас мед тэно рӧдительяс примитысны, колӧ мунны подӧн*» (Если хочешь, чтобы тебя родители (предки) приняли, нужно идти пешком) (Зап. от Маргариты Федоровны Чукилевой, 1938 г. р., с. Объячево) [ПМА].

Местом жительства умерших считается их могила: сюда в первую очередь приходят живые для «кормления» умершего и «общения» с ним: «*Мед пӧ свободной гуыс вӧлӧма, берговнысӧ пӧ тӧрас, сэни*

покойникыс олӧ, последний путь» (Пусть говорят, могила будет посвободней, покойник сможет поворачиваться там. Там покойник живет, <его> последний путь) (Зап. от Розы Ефимовны Ичеткиной, 1930 г. р., с. Летка) [ПМА]. Вероятно, представления о могиле как загробном жилище лежат также в основе распространенного обычая хоронить родственников в пределах одной родовой ограды.

Предварительно принято было окуривать могилу можжевельником или кадить, повсеместно в нее бросали мелкие монеты, чтобы «выкупить покойнику дом», «выкупить землю у Бога», «он <покойный> с деньгами жил». На дно могилы устанавливали деревянные бруски и доски, на которые опускали гроб, сверху перекрывали его настолом из досок, сооружая подобие «потолка» или «полатей», «*чтобы не прижало, чтобы земля не сразу попала на гроб*» (Зап. от Веры Семеновны Кустышевой, 1926 г. р., с. Читаево) [ПМА].

В тот же день устанавливали деревянное намогильное сооружение, под основание которого также бросали монеты. На кладбищах лузско-летских коми представлены такие виды традиционных деревянных намогильных сооружений, как восьми-, шести-, четырехконечные кресты; столбы круглые и четырехгранные в сечении; пирамидки с фигурно

Фото 1. Намогильный памятник, выполненный из ствола можжевельника, с. Гурьевка

Photo 1. Sepulchral monument made of a juniper trunk, Guryevka Village

Фото 2. Намогильный памятник, выполненный из ствола можжевельника, с. Слудка

Photo 2. Sepulchral monument made of a juniper trunk, Sludka Village

оформленным верхом, с плоской крышей, на которой ставят крест; памятники-часовенки (столбики и кресты), навершие которых выглядит как крыша с двумя скатами и охлупнем. Надгробия снабжены информацией, включающей ФИО погребенного и годы жизни, начертанной как на самом памятнике, так и на специально прикрепленной к нему деревянной или металлической планшете. На многих памятниках оформлено окошко с вставленной в него фотографией погребенного.

К локальной особенности традиционной культуры летских коми относится традиция изготовления намогильных сооружений из разветвленного ствола можжевельника, на котором обрублены ветви, оставлены комли (от одного до нескольких штук) длиной 10 см и более. Данные памятники, отличающиеся необычными формами, импровизирующими четырехконечные кресты и кресты с двускатной крышей (рис. 1, 2) [Конка 2013]. Чаще всего ствол можжевельника, иногда с развилкой на вершине, составляет только основу намогильного сооружения, тогда как поперечные перекладины креста, двускатная крыша выполнены из сосновых или еловых досок. Использование в качестве материала для изготовления памятников можжевельника *тусяпу*, наделявшегося у коми-зырян апотропейными свойствами, использовавшегося в качестве оберега от злых духов [Конаков 1999, 361], связано с тем, что он, по мнению информантов, в меньшей степени подвержен атмосферному влиянию: *«Крест из вереска долго не гниет. С сучками он красивее глядится, а так у него ствол тоненький. Я не знаю, когда умру, а у меня уже на улице стоит вересковое дерево. Один родственник нашел в лесу, я заказала, и принес»* (Зап. от Марии Егоровны Ракиной, 1929 г.р., с. Слудка) [ПМА]. Считалось, что куст можжевельника, растущего на могиле, изготовленное из него намогильное сооружение способствовали более длительному сохранению тела умершего: *«дырджык он сисьмы пö»* (дольше не сгниешь, говорят) (Зап. от Пракскови Ивановны Перминовой, 1926 г.р., с. Черемуховка) [ПМА]. Также согласно народным представлениям: *«К Богу идти с большим памятником тяжело, а вереск — это легкое дерево»* (Зап. от Екатерины Ивановны Кетовой, 1930 г.р., с. Летка (урож. с. Слудка)) [ПМА].

В качестве намогильного сооружения повсеместно выступают деревья, являющиеся в народном сознании медиаторами, соединяющими мир людей с миром предков, к стволам которых часто прикрепляются таблички с информацией о погребенном. У летских коми на могилах принято высаживать куст можжевельника вместо памятника либо рядом с ним, в том случае если намогильное сооружение изготовлено из других хвойных пород деревьев. Все вышедшие из употребления предметы и некоторые вещи, использовавшиеся при погребении, на кладбищах оставляются под большими деревьями.

После погребения следовала поминальная трапеза, которая устраивалась прямо на могиле. В настоящее время для поминальных трапез принято укладывать поверх могилы в качестве стола доски, скрепленные между собой, обозначаемые термином *пызан* 'стол'. После поминальной трапезы столешницы на могилах не оставляют, а устанавливают вертикально либо приставляют к стволам рядом растущих деревьев или к самим намогильным сооружениям, объясняя тем, что в противном случае *«покойному будет тяжело»*. У лузских коми сооружаются массивные конструкции: на четырех столбах по периметру могилы устанавливаются четыре доски, соединенные вместе: две боковые выступают в качестве скамеек, на две поперечные укладываются четыре-шесть досок, которые служат столом над могилой (рис. 3). В последнее время стали пользоваться спросом столы и скамейки, изготавливаемые в агентствах ритуальных слуг, при этом сама традиция устанавливать стол над могилой продолжает сохраняться.

Характерной особенностью кладбищ лузско-летских коми является традиция сооружения домиков и кормушек для птиц. Судя по тщательности, с которой выполнены многие кормушки, можно предположить, что им придается большое значение. Особой декоративностью отличаются небольшие домики с двускатной крышей, с вырезанными или прорисованными окошками и дверцами. Кормушки и домики чаще всего подвешивают к стволам деревьев, растущих рядом с могилами, крепят к намогильным сооружениям, родовой ограде либо же к специально установленным высоким столбам

(рис. 4). Традицию устройства кормушек и домиков, внутри которых часто можно наблюдать чашку, блюдце, стакан, объясняют необходимостью оставлять в них еду, предназначенную для «родителей». В данном контексте можно отметить зафиксированную на одном из подобных домиков на кладбище с. Летка надпись: «Дедушке от внуков» [Голубкова 2007, 126]. Представления об орнитоморфном облике души характерны для многих народов, в том числе для мифологических воззрений коми-зырян. Так, по представлениям летских коми, после погребения душа в виде птицы прилетает в прежний дом, где для нее ставят тарелку с зерном [Ильина 2000, 150]. В современных записях информантами сообщается: «Я нарочно на стол <на кладбище> положу яички, и они не боятся, садятся. И у нас такое понятие, что это вот они пришли и с нами кушают, родители кушают через птичек...» (Зап. от Маргариты Федоровны Чукилевой, 1938 г. р., с. Объячево) [ПМА]. Считалось, что душа умершего могла также переходить в бабочку: «У нас бабушка всегда говорила: бабочек нельзя давить, у них <предков> душа в этих бабочках» (Зап. от Марии Алексеевны Лихачевой, 1931 г. р., с. Объячево) [ПМА], что, возможно, нашло отражение в декорировании одной из птичьих кормушек изображением бабочки [Голубкова 2009, 205].

Примечательно, что ритуальное кормление птиц в традиции летских коми принято осуществлять также рядом с растущим деревом в непосредственной близости от дома. Как и на кладбищах, поминальную пищу оставляют на ветках деревьев либо в специальных кормушках, прикрепленных к ограде под окнами дома: «Возьму тарелочку с яйцом и рыбой, выхожу на улицу. Делаю крестное знамение и говорю: «Сибѳтѳой-матѳтѳой став рѳдня, став кулѳмаяс, желайтѳ мияны дѳбро, здоровье, бура овны скотом-животом» и птичкам потом все оставляю» (Возьму тарелочку с яйцом и рыбой, выхожу на улицу. Делаю крестное знамение и говорю: «Собирайтесь-подходите все родные, все умершие, пожелайте нам добра, здоровья, хорошо жить со скотом-животом» и птичкам потом все оставляю) (Зап. от Марии Егоровны Ракиной, 1929 г. р., с. Слудка) [ПМА].

Практика устройства надмогильных сооружений и кормушек свидетельствует

о сохранении в народном сознании идеи взаимодействия с миром предков, обеспечиваемого посредством совместных поминальных трапез, в ходе которых люди получали благословение предков (родителей). Об устоячивости традиции поминальных трапез свидетельствуют сведения информантов: «Православная церковь пропагандирует, что не надо еду на кладбище нести, а обычай у нас такой: у нас на кладбище очень угощаются» (Зап. от Маргариты Федоровны Чукилевой, 1938 г. р., с. Объячево) [ПМА]. Принесенная с кладбища оставшаяся поминальная пища наделялась в народных представлениях магическими свойствами: «Говорят, с кладбища пустую корзинку не приносят, хоть немножко, но надо оставить, с кладбища надо обратно принести домой» (Зап. от Евдокии Федоровны Лобановой, 1924 г. р., с. Прокопьевка) [ПМА], поэтому ее необходимо было употреблять не только людям, но и домашнему скоту: «Сѳянсѳ бѳр вайѳнѳ, аслыс, сѳйѳнѳ, вайѳитѳнѳы сѳянсѳ скѳтлы. Сѳйѳ нѳ лечебнѳй, сѳйѳ здоровье тѳнѳд сетас» (Еду обратно приносят себе, едят, приносят скоту. Она, говорят, лечебная, она тебе здоровья даст) (Зап. от Розы Ефимовны Ичеткиной, 1930 г. р., с. Летка) [ПМА]. С наделением поминальной пищи сакральной символикой, по-видимому, связано также

Фото 3. Домик для птиц, с. Объячево

Photo 3. Bird house, Obyachevo Village

представление информантов о том, что, «*кодї оз сїй кодрасїгѡн, сїйѡ водз кулѡ. Ми челядь дырїи кодрасїгѡн ѐна сїйлїм*» (кто не ест во время поминок, тот рано умрет. Мы в детстве на поминках хорошо ели) [НА КНЦ УрО РАН, 109].

У лузских коми, за исключением спаспорубского куста деревень, распространен обычай «проводать покойника» на сороковой день. В этот день после посещения кладбища в доме устраивали поминальную трапезу, на которую приглашали человека, выступавшего символическим заместителем погребенного. Выбор «заместителя», не связанного с умершим родственными отношениями, определялся в зависимости от пола умершего с учетом возрастных рамок: замещать покойного должен был человек средних лет: «чтобы не особо старый был и не особо молодой». За поминальным столом ему отводилось почетное место (в красном углу). После окончания трапезы все по очереди подходило к ритуальному заместителю умершего, прощались с ним, оплакивали его, как покойного, причитаниями. Самые близкие родственники подходили в последнюю очередь, затем выводили «заместителя» из дома, взяв под руки, провожая в сторону кладбища до развилки трех дорог, прощаясь со словами: «*Бїысь, ваысь видзед мянѡс. Мїанѡс бура видз*» (От огня, воды нас храни. Хорошо нас храни) (Зап. от Нины Афанасьевны Лихачевой, 1929 г. р., с. Объячево) [ПМА]. Тогда же передавали ему завернутые в полотенец, висевшее сорок дней в красном углу, сахар, чай, выпечку, иногда одежду. В свою очередь человек, выступавший в роли заместителя, от лица умершего прощался с провожающими: «*Бура олѡ, ме ог нин во тїян дїнѡ, понданныд гѡститны волены*» (Хорошо живите, я уже не приду к вам, будете в гости приходите). Символика окончательного прощания с миром живых выражалась в предписаниях провожаемому уходить по дороге в сторону кладбища не оборачиваясь. После этого провожавшие снова возвращались в дом и завершали трапезу.

После годовщины со дня смерти поминовения уже не считались строго обязательными: «*Сороковой, година, два года,*

а сэсья сїйѡ бѡрын колѡ кодрась, колѡ эн» (Сороковой, година, два года, а затем после этого хочешь поминай, хочешь нет) (Зап. от Веры Семеновны Кустышевой, 1926 г. р., с. Читаево) [ПМА].

Анализ этнографических материалов по похоронно-поминальной обрядности лузско-летских коми, несмотря на фиксируемые в ней процессы трансформации, выраженные в упрощении и сокращении времени, отведенного на исполнение отдельных элементов обряда, утрате понимания семантики многих обрядовых действий, изменении атрибутики, показал, что до настоящего времени продолжают сохраняться наиболее значимые для данного ритуала компоненты, отражающие архаические представления о продолжении жизни умершего в загробном мире и тесно связанные с культом предков. Похоронно-поминальный комплекс южных коми включает в себя ряд особенностей. У лузских коми выделяются такие особенности, как обычай проводить покойника на сороковой день, устанавливая рядом с могилами кормушки и домики для птиц, надмогильные конструкции в виде стола и скамеек. Обрядовый комплекс летских коми, возможно в силу лучшей сохранности, характеризуется более яркой спецификой и включает в себя такие элементы, как передача родственникам «подарков от умершего», кормление скота перед выносом гроба, накрывание полотенцем крышки гроба, поминовение предков в усадьбе под растущим деревом. По настоящее время широко распространен обычай первой встречи, не зафиксированный у других групп коми-зырян. В то же время невыраженным оказался комплекс действий сорокового дня, ограниченный посещением кладбища и поминальной трапезой. Оформление традиционных деревянных надмогильных сооружений на кладбищах летских коми также отличается спецификой, проявляющейся в изготовлении памятников из ствола можжевельника. С влиянием старообрядческих традиций, вероятно, связаны такие особенности, как способ изготовления гроба «на шипах», обряжение покойного в саван.

Источники и материалы

ГАКО — Государственный архив Кировской области. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Косарев М. С. Пермьяки Вятской губернии преимущественно Орловского уезда.

НА КНЦ УрО РАН — Научный архив Коми научно-центра Уральского отделения РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а. Рочев Ю. Г. Материалы фольклорной экспедиции в Летку Прилузского района в 1976 г.

ПМА — полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиций в Прилузском районе Республики Коми с 2006 по 2011 г.

ФА СыктГУ — фольклорный архив Сыктывкарского университета, Прилузское собрание. Аудиофонд 1345–14.

Исследования

Безносилова 2000 — *Безносилова Л. М., Айбанина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-роч кывчукор (Коми-русский словарь). Сыктывкар, 2000.

Бунчук, Шевченко 2007 — *Бунчук Т. Н., Шевченко Е. А.* Некоторые особенности похоронно-поминальной обрядности прилузских коми // *Славянская традиционная культура и современный мир.* Вып. 10. М., 2007. С. 188–198.

Голубкова 2007 — *Голубкова О. В.* Орнитоморфные представления о душе у коми-зырян // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2007. № 3 (31). С. 125–134.

Голубкова 2009 — *Голубкова О. В.* Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск, 2009.

Зорин, Лештаева 1990 — *Зорин Н. В., Лештаева Н. В.* Погребальный ритуал русского населения Казанского Поволжья (конец

XIX — начало XX в.) // *Семейная обрядность народов Среднего Поволжья: (Историко-этнографические очерки).* Казань, 1990.

Ильина 2000 — *Ильина И. В.* Культ предков // *Народы Поволжья и Приуралья.* Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 149–150.

Конаков 1999 — *Конаков Н. Д.* Тусяпу // *Энциклопедия уральских мифологий.* Т. 1: Мифология коми. М., 1999.

Конкка 2013 — *Конкка А.* Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013. С. 121–162.

Кремлева 1997 — *Кремлева И. А.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды // *Русские.* М., 1997. С. 517–532.

Лимеров 1998 — *Лимеров П. Ф.* Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998.

Семенов 1992 — *Семенов В. А.* Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: К реконструкции мифологических представлений коми (зырян). СПб., 1992.

Терюков 1990 — *Терюков А. И.* Похоронно-поминальная обрядность коми-зырян (вторая половина XIX — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.

Уляшев 1999 — *Уляшев О. И.* Дэра // *Энциклопедия уральских мифологий.* Т. 1: Мифология коми. М., 1999.

Чудова 2008 — *Чудова Т. И.* Кухня коми (зырян): Этнографический словарь. Сыктывкар, 2008.

Шарапов 2001 — *Шарапов В. Э.* Деревья в погребально-поминальной обрядности коми // *Атлас Республики Коми.* М., 2001. С. 206.

© Ю. И. Бойко, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бойко Ю. И. <https://orcid.org/0000-0003-2260-3825>

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел.: + 7 (212) 24-50-88; e-mail: boyko_yulia@mail.ru

LOCAL FEATURES OF THE FUNERAL AND MEMORIAL RITUAL OF THE SOUTHERN KOMI

YULIA I. BOYKO

(Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences: 26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Russian Federation)

Summary. *Primarily on the basis of field research, the author of this article traces the local peculiarities of the cycle of funeral and memorial rites of the Luzsko-Letskiy Komi who live in the basins of the Luza and Letka Rivers in the southwestern part of the Komi Republic (in the Priluzsky Region). Analysis of this ethnographic material shows that the most significant parts of these rites reflect archaic ideas about the continuation of the life of the deceased in the afterlife and are closely related to the cult of ancestors that persists in people's consciousness.*

Luzskiy Komi funeral and memorial rites feature bidding farewell to the deceased on the fortieth day; putting feeders and bird houses next to the graves, as well as tables and benches. The rites of the Letskiy Komi, possibly because of their better preservation, display clearer characteristics that include such elements as giving relatives "gifts from the deceased", feeding the cattle before bringing out the coffin, covering the coffin lid with a towel, and commemorating ancestors under a growing tree in the homestead. The ritual of "first meeting", widespread through the present day, is not observed among other groups of Komi (Zyrian). The form of Letskiy Komi traditional wooden grave monuments, specific to them, consists in making them out of the trunk of a juniper tree. Such features as the method of making of coffins "on thorns" and the ritual dressing of the deceased in a shroud are probably connected to the influence of Old Believers.

Key words: funeral and memorial rituals, symbolism of the house, Luzsko-Letskiy Komi.

Received: May 29, 2018.

Date of publication: March 25, 2019.

For citation: Boyko Yu. I. Local features of the funeral and memorial ritual of the Southern Komi. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 91–102. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.009

References

- Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Kosnyreva R. I.** (2000) Komi-roch kyvchukör [Komi-Russian dictionary]. Syktyvkar. In Russian and Komi languages.
- Bunchuk T. N., Shevchenko E. A.** (2007) Nekotoryye osobennosti pokhoronno-pominal'noy obryadnosti priluzskikh komi [Some features of the funeral and memorial rites of the Priluzky Komi]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir [Slavic traditional culture and the modern world]. Vol. 10. Moscow. Pp. 188–198. In Russian.
- Chudova T. I.** (2008) Kukhnya komi (zyryan): Etnograficheskiy slovar' [Komi (Zyrian) cuisine: Ethnographic dictionary]. Syktyvkar. In Russian.
- Golubkova O. V.** (2007) Ornitomorfnye predstavleniya o dushe u komi-zyryan [Komi-Zyrian ornithomorphic ideas about the soul]. *Arkhеologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2007. No. 3 (31). Pp. 125–134. In Russian.
- Golubkova O. V.** (2009) Dusha i priroda: Et-nokul'turnyye traditsii slavyan i finno-ugrov [The soul and nature: Ethno-cultural traditions of the Slavs and the Finno-Ugrians]. Novosibirsk. In Russian.
- Il'ina I. V.** (2000) Kul't predkov [The cult of ancestors]. In: *Narody Povolzh'ya i Priural'ya*. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Mariytsy. Mordva. Udmurty [Peoples of the Volga Region and the Cis-Urals. Komi-Zyrian. Komi-Permiak. Mari. Mordva. Udmurt]. Moscow. Pp. 149–150. In Russian.
- Konakov N. D.** (1999) Tusyapu [Tusyapu]. In: *Entsiklopediya ural'skikh mifologiy* [Encyclopedia of Ural mythologies]. Vol. 1: Mifologiya komi [Mythology of Komi]. Moscow. In Russian.
- Konkka A.** (2013) Karsikko: derev'ya-znaki v obryadakh i verovaniyakh pribaltiysko-finskikh narodov [Karsikko: trees-signs in the rites and beliefs of the Baltic-Finnish peoples]. Petrozavodsk. Pp. 121–162. In Russian.
- Kremleva I. A.** (1997) Pokhoronno-pominal'nyye obychai i obryady [Funeral and memorial customs and rites]. In: *Russkie* [Russians]. Moscow. Pp. 517–532. In Russian.
- Limerov P. F.** (1998) Mifologiya zagrobnogo mira [The mythology of the afterlife]. Syktyvkar. In Russian.
- Semenov V. A.** (1992) Traditsionnaya semey-naya obryadnost' narodov Evropeyskogo Severa: K rekonstruktsii mifologicheskikh predstavleniy komi (zyryan) [Traditional family rituals of the peoples of the European North: Toward a reconstruction of Komi (Zyrian) mythological ideas]. St. Petersburg. In Russian.

Sharapov V.E. (2001) *Derev'ya v pogrebal'no-pominal'noy obryadnosti komi* [Trees in the Komi funeral and memorial ritual]. In: Atlas Respubliki Komi [Atlas of the Komi Republic]. Moscow. P. 206. In Russian.

Teryukov A.I. (1990) *Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' komi-zyryan (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Komi-Zyrian funeral and memorial ritual (second half of the 19th — early 20th century)]. PhD diss. in History. Leningrad. In Russian.

Ulyashev O.I. (1999) *Dehra* [Dara]. In: *Entsiklopediya ural'skikh mifologiy* [Encyclopedia of

Ural mythologies]. T. 1: *Mifologiya komi* [Mythology of Komi]. Moscow. In Russian.

Zorin N.V., Leshtaeva N.V. (1990) *Pogrebal'nyy ritual russkogo naseleniya Kazanskogo Povolzh'ya (konets XIX — nachalo XX v.)* [The funeral ritual of the Russian population of the Kazan Volga Region (late 19th — early 20th century)]. In: *Semeynaya obryadnost' narodov Srednego Povolzh'ya (Istoriko-etnograficheskiye ocherki)* [Family rituals of the peoples of the Middle Volga Region (Historical and ethnographic essays)]. Kazan. In Russian.

© Yu. I. Boyko, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Yulia I. Boyko <https://orcid.org/0000-0003-2260-3825>

E-mail: boyko_yulia@mail.ru

Tel.: + 7 (212) 24-50-88

26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation

PhD in History, Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)